

история Муромского княжества очень темна: с 1248 г. по 1344 г. летописи и другие исторические источники ничего не говорят о муромских князьях, а за это время легко могла произойти искомая Н. П. Травчатовым ситуация. Отстаивать же тождество „святого Петра с Давыдом Юрьевичем“, ссылаясь на „высокие нравственные качества“ последнего, совсем невозможно: в истории русской церкви есть замечательные примеры „причисления к лику святых“ лиц весьма сомнительных „нравственных качеств“. Во-вторых, Н. П. Травчатов пытается объяснить разницу имен в повести и летописях: Павел и Петр в повести, Владимир и Давид — в летописи. „Известно, — говорит он, — что в древнее время на Руси князья иногда носили, кроме мирского или князьего (Владимир, Ярослав, Мстислав, Святослав и др.), еще по два христианских имени. Одно из них, по словам проф. Голубинского, нарекалось в 8-й день по рождении. другое давалось в 40-й день при самом крещении. Если же так, то почему не предположить, что князь Петр, кроме сего имени, имел еще другое христианское имя Давид, о котором и упоминается в летописях. Это последнее могло быть оставлено за ним и потом при пострижении в монашество или принятии схимы, так как в древности постригаемому обыкновенно давалось не только имя того святого, который чествовался церковью в день пострижения, но и прежнее мирское имя. В таком предположении нет ничего невероятного, равно как и в том, что старший брат Петра носил княжее или мирское имя Владимир, которое дается в летописях старшему брату Давида Юрьевича. Так, приняв во внимание древний обычай некоторых князей — носить несколько имен, можно вполне примирить летописное наименование двух братьев-князей муромских (Владимир и Давид) с наименованием их в «повести» (Павел и Петр)“.¹ Это объяснение Н. П. Травчатова опирается на исторические факты и поэтому на первый взгляд кажется вполне правдоподобным. Но в применении к данному случаю оно отличается большой искусственностью. В самом деле, какое должно было быть исключительное стечение обстоятельств, чтобы оба брата, правившие Муромом, Владимир и Давид, оказались с иными именами в повести, чем в летописи; чтобы второму из них при пострижении оставили то имя, под которым он известен в летописи; чтобы повесть не сказала о детях Петра-Давида и т. п. Каждый из этих фактов в отдельности вполне мог быть в действительности, но цепь их коренится, вернее всего, в остроумии историка.

Статья Н. П. Травчатова была ответом на статью Н. Д. Квашнина-Самарина,² который, учтя бездоказательность мнения о тождестве князя Петра повести и Давида Юрьевича летописи, пытался по новому подойти к этому вопросу. По его мнению, Петр повести — это муромский князь Петр, предок бояр Овцыных и Володимеровых, известный по их родо-

¹ Там же, стр. 17.

² Н. Д. Квашнин-Самарин. О князьях муромских, причтенных к лику святых. Тр. Второго обл. тверск. археол. съезда 1903 г. 10—20 авг., Тверь, 1906, Отд. II.